

Сергей и Людмила Сухоруковы

273

дня до лета

18+

Сергей Сергеевич Сухоруков
Людмила Алексеевна Сухорукова
273 дня до лета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480582

SelfPub; 2018

Аннотация

273 дня до лета – это много или мало? Можно прожить их, пропуская словно песок сквозь пальцы, и не замечая, как утекает день за днем. А можно, вырываясь из обыденности, попытаться что-то изменить в себе и своей жизни. Именно так решает поступить герой этой книги, пытаясь собрать себя заново после разрыва с любимой. Удастся ли ему это? Или у судьбы иные планы?

Содержание

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН	6
НЕОБИТАЕМЫЙ ДОМ	14
У ЮРЫ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
ВЛАДИМИРУ ГЕОРГИЕВИЧУ ЖДАНОВУ*

Все события и персонажи книги вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми и ситуациями случайно.

За исключением кошки Пйндры.

Без лишних нравоучений и попыток сделать мир лучше нам хотелось бы познакомить вас с одним молодым человеком, каждое утро выходящим на балкон с мыслью, что «синяя птица удачи» сегодня оставит небо и приземлится перевести дух к нему на подоконник.

Живите трезво и интересно.

Ваши Сергей и Людмила Сухоруковы.

Нелюбимая работа, скромное жалование. Пасмурное настоящее, туманное будущее. Табачный дурман на завтрак, самобичевание в прокуренном «тамбуре» на ужин. Разве может безответная любовь пройти мимо такой «благоприятной» среды?

Но... «Чем хуже – тем лучше». Кризис – лучшее время затянуть узлы на кроссовках, обмотать кисти бинтами и познакомить зубы с капой. «Растираем лица, ребята, чтобы синяков не оставалось».

Пистолет в бак – деньги в кассу. Барселона, жди, я вылетаю.

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

01 сентября 2006 года

Солнечное сентябрьское утро разлилось по городским улицам. Ковровая дорожка из опалённых безжалостным зноем листьев была готова к встрече с долгожданной осенней прохладой, однако ветреная гостья, по южной традиции, неприлично опаздывала. Радиоведущий «Маяка» объявил, что «в Москве девять» и в ту же секунду гул троллейбусного электромотора за окном слился с писком стаи стрижей, кружащей над крышей административного корпуса. Новый рабочий день, стремительно оттолкнувшись от стартовой линии, пустился в свой восьмичасовой марафон.

Двое молодых людей 26 и 30 лет, в белых рубашках с короткими рукавами и кружками кофе, облокотившись на перила, стояли друг напротив друга на ступенях пожарного лестничного марша, ведущего на чердак. Курить здесь, конечно же, было нельзя, но сотрудники муниципального Земельного комитета ещё десять лет назад приспособили это место для обмена новостями в клубах табачного дыма.

– Значит, смотри, – начал Саныч, – и в отзыве на иск, и в самом процессе давишь только на то, что перед куплей-продажей необходимо провести межевые работы. Без кадастро-

вого паспорта на землю сделка невозможна – в соответствии со статьёй 37 Земельного кодекса. И всё, больше ничего не говоришь. В решении суда будет указано: обязать администрацию поставить на кадастровый учёт и заключить договор купли-продажи земельного участка. Всё. Межевые работы истец сам оплатит, это не вопрос.

– Да, Саньч... Вот это «подарочек», – с сожалением выдохнул Фёдор.

– Судья «заряженный». Нам с тобой на двоих шестьдесят дают.

– А обжаловать можно?

– Зачем? Ничего не надо.

– А на ковёр к Егорову вызовут и спросят, почему не обжаловал?

– Скажешь, что замотался. Судебных дел столько, что хоть раскладушку на работе ставь. Правовых оснований для обжалования не увидел. Федь, ты чего? В первый раз, что ли? За это сейчас не расстреливают. И вообще право обжаловать – это твоё право, процессуальное, я бы сказал, право, а не святая обязанность перед Родиной.

– Купля-продажа земельного участка под самовольным строением? Это же чернуха чистой воды!

– Да какая чернуха? Это не чернуха, а всего-навсего спорная ситуация, люди за этим в суд и обращаются. А свидетельство на строение на стадии оформления, и оформление ускорится, когда появится свидетельство на землю. И ты об

этом лучше меня знаешь, – лукаво улыбнулся Саныч, – да и какая разница?.. Кафетерий все равно добьётся своего. Если мы откажемся, они выйдут на Егорова, заинтересуют его, а Егоров позвонит мне, и даст команду проиграть дело. Тогда мы вообще с дыркой от бублика останемся. Забыл, как в июле было? Тебя горький опыт, «сын ошибок трудных», учит чему-нибудь? Хотя, Федя, смотри сам, хочешь, я Даше могу дело отдать? Она его быстро заберёт.

– Почему ты всё время мне всякую гадость предлагаешь?

– Если бы это была не гадость, то какой был бы смысл за неё платить?

– Стремаюсь я.

– Стремаешься, потому что пока семью кормить не нужно, а как семья появится, сразу страх пройдёт. Шестнадцать тысяч домой приносить – вот это да... Это уже не страшно, это уже катастрофа. Я, знаешь, за что там, – показав взглядом наверх, спросил Саныч, – отхватываю? За то, к чему вообще никакого отношения не имею. Меня за «чужое» в большом зале при всех... И в хвост и в гриву. А тут, если и отхватывать, то хотя бы за «своё». Истец, кстати, кафетерий «У дяди Тамаза». Так что, как ни крути, в любом случае будем к нему в рабочий полдень шастать. До десяти часов подумай и дай мне ответ, – подытожил начальник, допивая кофе.

В привычной суете незаметно подходил к финалу очередной рабочий день. Раскалённый под беспощадным южным солнцем железобетон городских построек начинал медленно

отдавать своё тепло прохожим, в чём последние совершенно не нуждались. Заложники набитых маршруток к дорожным пробкам получали «приятный» бонус: рвущие душу шедевры шансона от экипажа транспортного средства. Из динамика проезжавшей мимо «копейки», обладавшей частичной коррозией кузова, с сотрясающей все живое вокруг силой доносился голос Юры Шатунова. Желание счастливого владельца чудо-долгожителя отечественного автопрома произвести впечатление на сограждан таким варварским способом родило в голове Фёдора правило кутилы-маргинала: «Громкость музыки должна быть обратно пропорциональна стоимости автомобиля». После такого перформанса «Беспечному розовому вечеру» ничего не оставалось, как послушно следовать пожеланию кумира школьниц конца восьмидесятых и начать бессовестно заглядывать в окна квартир.

На мгновение провалившись в атмосферу дискотеки пионерского лагеря «Юнга», Фёдор вспомнил ушедшую за горизонт эпоху, «где без спроса ходят в гости, где нет зависти и злости»¹. Время, когда из газет вырезали программу передач, а два телевизионных канала переключались без помощи пульта. Время, когда пацаны, сбившись в стаи, устраивали весёлые старты на соседних стройках, а их родители оставляли ключи под ковриком. Тогда, в 1989, тёплый ветер перемен согревал мыслью: семьдесят лет всё было неправильно, но вот теперь-то, наконец, всё будет по-другому, теперь-то

¹ Песня «Городок», исп. А.Варум, музыка: Ю.Варум, слова: К.Крastoшевский.

заживём... «Куда это ушло? И где сейчас хоть какое-то дуновение того ветра? – размышлял Фёдор. – Вероятно, оно осталось лишь на аудиокассетах немецкой группы «Scorpions» в беззаботном насвистывании «Wind of Change». Тогда каждый получил своё: немцы – падение Берлинской стены и объединение Германии, Горбачёв – Нобелевскую премию и место жительства в Англии, а Россия – обнищание, «задорную» приватизацию и перестрелку девяностых.

* * *

Приехав домой, Фёдор быстро ополоснулся в душе, побрился, полил себя духами импортного производства и, сделав глубокий выдох, стараясь не волноваться, нашёл в телефоне имя «Рита».

– Здравствуйте, сударь, – подобно лире зазвучал в трубке милый сердцу голос.

– О, наконец-то наступил этот счастливый день, когда я снова могу прикоснуться к прекрасному. Как же долго я страдал и мучился в разлуке. Моя маленькая малышка, – добавил шёпотом молодой человек, что придало фразе эротико-юмористический оттенок.

– Ах, полноте вам...

– Ах, сударыня, у меня к вам два вопроса. Первый: Родина-мать стоит?

– Куда ж она денется?

– И второй: скажите, Рита, мы с вами сегодня обретём

друг друга?

– Я с Викой иду гулять, – прозвучало как гром среди ясного неба.

– Вот это номер...

– Что тут неожиданного? Мы с ней давно не виделись, я соскучилась.

Пребывая в полной растерянности от услышанного, как в КВНовском конкурсе «разминка», Фёдор выдал первую глупость, пришедшую в голову:

– В «Новороссийском рабочем» писали, что вечером может подняться ветер. Потеплей одевайся, простынешь – мне тебя потом вареньем отпаивай.

И вместо ожидаемого: «О!.. Ты обо мне заботишься?» – холодный девичий голос, похожий на звон стальных шпаг в пустом зале, безжалостно зачитал приговор: «Я в поездке купила чёрную толстовку с капюшоном, так что теперь за моё здоровье не беспокойтесь».

Фёдор понял, что это конец. Девушка произнесла кодовое слово.

– Будете сегодня с Вик-вик, как две пантеры, в дебрях Пионерской роци распивать разные напитки?

– Нет, конечно, «на сухую» будем сидеть.

– Удачно вам покутить.

– Ну всё, надулся, Пузырь.

– Мне пора рыбок кормить, а то, если их долго не кормить, они тонут. Прощайте, сударыня.

– Прощайте, прощайте.

Два месяца ухаживаний были потрачены впустую. В это невозможно было поверить и ещё сложнее принять. После того как две недели назад сотрудники юридического отдела, подобно старшеклассникам, обнявшись на лестничной клетке, одаривали друг друга поцелуями в шею, сегодняшнее развитие событий казалось невероятным. «Как люди могут расстаться, если им комфортно вместе? – не давала покоя мысль. – Это всё равно, что назло любимому внуку отписать квартиру государству». Однако коварная разлука склонила чашу весов в свою пользу. Рита обещала в поездке окончательно определиться со своими чувствами к Фёдору и, подобно Тесею, отправляющемуся проведать Минотавра, вернуться домой либо под белыми, либо под чёрными парусами.

Достав со шкафа пачку сигарет и плеер, Фёдор решил выдвинуться на свежий воздух. Шесть плоскостей однокомнатной «норы», получивших жизнь при Никите Хрущёве, в этот момент со всех сторон равномерно давили на её обитателя, подобно толще черноморской воды, давящей на краба, ползущего по дну Цемесской бухты.

«Да... эффект был велик. Таких ударов великий комбинатор не испытывал давно»². Непонятно, что делать и куда теперь бежать. Просить, умолять, попробовать всё сначала – невозможно, легче засунуть руку в огонь. Образовавшуюся дыру заполнить было нечем. Сверкнувшая ранее мысль о

разработке проекта «запасной аэродром» на случай «отказа двигателя» была признана абсурдной и сразу же была уничтожена за ненужностью.

Опыта выхода из подобного нокаута ещё не было. Впрочем, не было и опыта качественного ухода за приличными барышнями. Дамы, встречающиеся на жизненном пути Фёдора, отдавались ему без остатка максимум на втором свидании, независимо от вложенных в их обхождение денежных затрат и сил. Кто знает, может, это была норма поведения, утвердившаяся в умах юношей и девушек постсоветского периода, а может, это был осознанный выбор самого молодого человека – брать в разработку заведомо беспроигрышные варианты. Как бы то ни было, прошлого не вернуть.

Сейчас Фёдору больше всего на свете хотелось, чтобы старик Хоттабыч сошел с телеэкрана, вырвал волос из бороды и аннулировал этот досадный проигрыш. Чтобы об этом все забыли. Но на морском дне, близ развалин пляжа «Рыбзавод», среди водорослей и мидий, заветный кувшин со сказочным другом так и не попался.

НЕОБИТАЕМЫЙ ДОМ

02 сентября 2006 года

Под натиском кроссовки скрипнула доска в полу расселённого двухэтажного дома, тянущего к себе, как магнит, чудаков – любителей завораживающих видов покинутых квартир. Разбросанные по коридору книги и части детских игрушек напоминали кадры из документального фильма о городе Припяти. Из-за угла показалось огромное, на всю стену, ещё пахнущее свежей краской чёрно-жёлтое граффити солнечного затмения с надписью в центре «Виктор Цой».

Валяющиеся по углам белые клавиши музыкального инструмента помнили касания кукольных пальцев восьмилетней девочки, разучивающей гаммы. Если бы сегодня первые могли встретиться со вторыми, то высекатели нот ни за что бы не узнали морщинистые руки взрослой тётки. Когда шесть матерящихся грузчиков вносили юное пианино в детскую комнату, могло ли оно представить, что через сорок лет, оставленное хозяевами в родных стенах, оно даст свой финальный концерт под дирижёрский взмах ковша экскаватора.

Белый кухонный кафель, на совесть скрепленный со стеной, походил на капитана в парадном кителе, принявшего

решение до последней секунды оставаться на гибнущем судне. Усадив свою команду в шлюпку, он молча оттолкнул их ногой от борта, оставив себе лишь в воспоминаниях запах канифоли, проводное радио, бобинные записи с Высоцким, гранёный стакан со сгоревшими спичками, дефицитный чехословацкий хрусталь и, как выяснится позже, не менее дефицитную уверенность в завтрашнем дне тёплой брежневской эпохи.

Спрессованные клеём четыре слоя обоев помнили настенные чеканки, часы с кукушкой, диафильмы на растянутой простыне, ковёр с восточным узором, похудевший к декабрю отрывной календарь и (куда ж без глотка воздуха из мира прекрасного) вырезанный из журнала «Работница» фотоснимок Боярского. Сколько же «тонн» информации пропустила через себя медь телевизионного кабеля, торчащего из стены в углу комнаты? Радиоволны, принятые антенной – «бабочкой», десятилетиями неслись по металлическому туннелю, превращаясь в голоса и лица дикторов вечерних новостей, сообщавших обитателям квартир о вводе войск в Афганистан, приходе к власти Михаила Горбачева, Чернобыльской катастрофе, крушении лайнера «Адмирал Нахимов» и о нелепой аварии, унёсшей жизнь лидера группы «Кино». Как хочется перенестись на машине времени туда, назад, предупредить кого нужно, и чтобы эти события никогда не произошли. Но, к сожалению, такую машину ещё не изобрели. Есть трагедия, которая тебя напрямую касается,

но ты не в силах ничего исправить и лишь молча наблюдаешь за ней. Равно как по земле пошли трещины, началось движение тектонических плит, и ты беспомощен перед стихией. Оставаясь на своём берегу, шёпотом прощаешься с чем-то огромным и тёплым, медленно уходящим за горизонт: орденосными Одессой, Киевом, Минском, европейской Ригой, восточной Алма-Атой и субтропическими Гаграми.

Земельный участок, на котором был расположен заброшенный дом, выкупила какая-то столичная компания, и вскоре на этом месте должно развернуться строительство очередной высотки, уродливо воткнутой в исторический трёхэтажный центр города, подобно сигаре, затушенной хамоватым внуком в бабушкином торте. Бездумное поклонение золотому тельцу безвозвратно выстригало послевоенный архитектурный стиль, насаждая взамен коммерческие громадины-короба. В благодарность за полученную жизнь, точечная застройка «одаривала» горожан новыми нагрузками на сети и издевательски крохотными парковками. Как воздух «необходимые» торговые центры один за одним сыпались на жителей, до неприличия «избалованных» театрами, ледовыми дворцами и бескрайними парками. Бездушный галоген бакалейных ламп «равноценно» заменил жар софитов над сценой, прожектора хоккейной арены и фонарные огни зелёных аллей. Здесь многое не поддавалось здравому смыслу. Как можно было на месте клумбы с розами построить кафе, на месте сквера – гостиницу? Как можно было осушить

озеро – оазис в суетливом муравейнике, с камышом и черепашками, в обмен на очередной гипермаркет?

Но пока беспощадные тракторные гусеницы не превратили стены дома в строительный мусор, они служили идеальной декорацией для фотосессии «Город после людей». Если бы кому-то вздумалось переночевать в подобном, отдающем жутью месте, то, вполне возможно, он не дотянув до рассвета, получил бы разрыв сердца от страха. Но сейчас на улице ещё не стемнело, и бездомные пока не успели поселиться под этой гостеприимной крышей. Уникальная возможность безнаказанно побить камнями окна в центре города!

Под вспыхнувшее пламя зажигалки в плеере зазвучал голос Ивана Алексеева:

Затянись мною в последний раз,
Ткни меня мордой в стекло.
Дави меня, туши мою страсть –
Буду дымить назло.
Боль на фильтре грязным, бурым пятном –
Всё, что мне от тебя останется.
Урна – мой будущий дом,
И вряд ли мне там понравится.
Серым пеплом осыпятся вниз
Те мечты, что не сбудутся никогда.
Меня вряд ли раскурят на бис –
Шанс, если и есть, то один из ста.

Тебе травиться никотином моим,
Тебе кашлять моими смолами,
Выдыхай скорей мой последний дым
И закрывай окно, а то холодно...
Выдыхай скорей мою душу наружу, ей тесно.
В твоих лёгких так мало места.
Но если честно во всём виноват я сам³.

Пытаясь отыскать причину своего провала, Фёдор прокручивал в памяти картинки собственного неуклюжего ухода за Ритой. Подсознательно молодой человек понимал, что делал что-то не так, и ждал от неё подсказки, но девушка, в силу своей застенчивости, не решалась давать советы. Если бы можно было вернуться в те летние дни и начать всё сначала, то конфетно-букетный период прошёл бы совсем по другому сценарию. Фёдор бессмысленно прокручивал в голове возможные варианты, как будто это что-то могло изменить. Можно было отвезти её на грязевой вулкан к побережью Азовского моря, пригласить на прогулку на лошадях, нарвать мидий и зажарить на костре беззащитных тварей, нанять профессионального художника и за ночь разрисовать её лестничную площадку под хохлому. Наконец, договориться с консьержем и устроить романтический ужин на крыше шестнадцатэтажки с видом на бухту, со свечами, шампанским и курицей гриль. Можно было даже подбить

Васю с Леной сыграть роль услужливых официантов в бабочках. Но вся эта пёстрая палитра возможных вариантов событий осталась в параллельном прошлом, с горькой частицей «бы», из разряда «забил бы мяч, был бы гол».

Нельзя сказать, что огромных финансовых затрат требовал классический джентльменский набор: галстук, розы, мягкая игрушка, ресторан. Но и всего этого, к сожалению, не было. А были лишь бестолковые брождения по микрорайону, тление сигарет в потёмках, пиво с горла и, конечно же, место культурного отдыха пролетариата – кинотеатр.

Операция бездарно провалена, рыбка сорвалась. О втором шансе можно не мечтать. Да и за какие заслуги? За подобное легкомыслие нужно отдавать под суд. Уголовным кодексом как раз предусмотрен срок за халатность. Нет тебе прощения, беспечный преступник! Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Удар деревянного молотка по столу был заменён звоном оконного стекла, в последнюю секунду жизни увидевшего перед собой стремительно приближающийся булыжник, запущенный со всей рабоче-крестьянской яростью.

У ЮРЫ

12 сентября 2006 года

Получив от отца, вернувшегося с рыбалки, четыре десятка раков, Фёдор выдвинулся в гости к своему студенческому другу Юре.

В своё время этот дальновидный юноша проявил уникальную прагматичность и самопожертвование. В начале четвёртого курса юридического факультета с целью получения рабочей практики он устроился в качестве общественного помощника к следователю городской прокуратуры на абсолютно убыточных для себя в плане времени и автотоплива условиях. Два самых «козырных» года в жизни студента – эры безделья и нирваны, когда учебной нагрузки почти никакой, а за пару месяцев прогулов никто и слова не скажет – были добровольно обменены на труд каторжника.

Ежедневно выполняя бесчисленные поручения – от набора на компьютере текста документа до доставки его на личном транспорте в любую часть города, Юра, не жалея себя, приобретал бесценный профессиональный опыт и положительную репутацию добросовестной пчелы. В то время как беспечные однокурсники дурили дамочек, клевали носом на бессмысленных лекциях, коротали часы на КВНовских ре-

петициях и, стоя «в очереди за дипломом», всячески прожигали жизнь, их сверстник, стуча пальцами по клавиатуре, нередко встречал полночь на боевом посту. Вследствие проявленного упорства Юра был посвящён в многочисленные тонкости работы надзорного органа. Спустя два года он знал имя и отчество каждого попавшего в поле зрения следователя, дознавателя или милиционера. А копилка забавных историй пополнилась двумя байками «о прокуроре города», услышанными от судьи за чашкою чая. Результат не заставил себя долго ждать: сразу после сдачи «госов», не дожидаясь получения диплома, вчерашний студент был принят на службу в должности помощника прокурора города.

К счастью, Фёдор ещё ни разу не попадал в крупные неприятности, и ему не приходилось просить своего ныне наделённого властными полномочиями друга о помощи. Возможно поэтому им удалось сохранить хорошие отношения, без взаимных упрёков и скрытых обид.

Фёдор и Юра, как любители спорта номер один, по мере возможности собирались у телеприёмника для просмотра знаковых футбольных матчей. Вечер этого богатого на события дня приготовил футбольным гурманам «поляну с прогибом». Спортивное общество «Барселона» обещала подарить незабываемые эмоции гостям каталонской столицы, получившим сурового соперника по воле беспощадного жребия. Тот обречённый, кто сегодня выйдет на поле против мировой знаменитости, с одной стороны, с гордостью будет рас-

сказывать внукам о том, что шипы его бутс оставили след на земле легендарного «Камп Ноу», а с другой стороны, никому не хочется быть растерзанным на глазах у миллионов.

Фёдор позвонил в дверь. Открыла худощавая девушка – молодая жена Юры.

– Привет, Оленька, – воскликнул гость, кидая на пол домашние тапочки из своего рюкзака.

– Привет, Федь, сейчас Николаевич из ванны выйдет.

– «Болото – рай для бегемота!»

– «Но нам сидеть в нём не охота»⁴. Давно тебя хотела спросить, почему ты всё время с рюкзаком ходишь?

– Там вода и корм для кошек.

– А корм зачем?

– «Милосердствующий даёт Богу в займы».

– И как, помогает?

– Думаю, да... Они ж когда урчат, туда наверх, наверное, что-то отправляют.

– Всё ясно...

Фёдор переступил порог знакомой кухни. На ней он провёл уйму времени, ещё до появления в жизни Юры его второй половины. Здесь было «прожито и понято немало»⁵.

– Что тебе дать? – поинтересовалась Оля.

⁴ Мультфильм «Фунтик и сыщики» (Творческое объединение «Экран», реж. А.Солин, 1986 год).

⁵ Песня «Прощальный вальс», исп. ВИА «Добры молодцы», музыка: А.Флячковский, слова: А.Дидуров.

– Выдайте мне соль и большую кастрюлю с крышкой.

– Лавровый лист нужен?

– Нет, спасибо, у меня всё с собой: лавруха, укроп, петрушка. Ух, ща как засядем, – предвкушая пирушку, набирал воду в кастрюлю проворный повар.

– Обожаю осень, – начал Фёдор, – крестьянские ярмарки, прогулки по лесу в сапогах, жёлуди, «Вальс-бостон»⁶, пушкинские вечера в городской библиотеке, «в лужах разлетаются птицы с облаками»⁷... Запах тлеющей листвы, «прощальным костром догорает эпоха»⁸... Боже, храни дворников!

– А весну?

– Я вот весну не люблю...

– А когда цветочки цветут?

– Это, конечно, здорово, но, глядя, как на набережной влюблённые парочки трогают друг друга, серая птица печали садится на моё плечо. А если над ними ещё и майский жук пролетит, то вообще жить не хочется.

– Ты всегда весною был одинок?

– Да, так совпало... Но то ли дело осень! Людишки-то расстаются после курортных романов, и моя грусть рассеивается, подобно дыму поезда Новороссийск – Волгоград. А фильмов сколько прекрасных об осени: «Полёты во сне и наяву», «Отпуск в сентябре», «Осенний марафон», «Жестокий

⁶ Песня «Вальс-бостон», автор-исполнитель: А.Розенбаум

⁷ Песня «Что такое осень», исп. группа «ДДТ», автор: Ю.Шевчук.

⁸ Песня «В последнюю осень», исп. группа «ДДТ», автор: Ю.Шевчук.

романс», «Забытая мелодия для флейты» – из дома можно не выходить.

– Вообще-то то, что ты перечислил, не столько об осени, сколько об измене.

– Правда? Не замечал... А вот тебе уникальный случай. «Иван Васильевич меняет профессию». Действие происходит летом – там герои с короткими рукавами бегают, а ассоциируется он исключительно с Новым годом. Чудеса?

– Да, забавно... Но это понятно почему. Непонятно, почему у тебя раки замороженные? Ты их, что, в магазине купил?

– Обижаете, матушка, пару часов назад ещё бегали, я их в морозилку кладу, для того чтобы они уснули, а сонными – не почувствовали боли. Думаю, погрузиться в царство сладких грёз – наилучший финал земного пути. Вы со мной согласны?

– Ты редкий гуманист, – насмешливо заметила хозяйка.

– И чудак тоже редкий, – саркастично подытожил появившийся на кухне Юра, вытирающий полотенцем голову.

– О!.. Приветчанский тебе, капитанишка! – не скрывая радости, воскликнул гость. – Нам вот папаня с барского плеча «подогрели» раков-с...

– Дары Кубани – это прекрасно, – согласился хозяин.

– Будем пить зелёный чай, ибо завтра на работу рано вставать.

– Это ужасно.

– Зато насладимся деликатесом без притупления алкого-

лем вкусовых рецепторов.

– Это прекрасно.

– «Жаль сегодня не суббота»⁹, – с грустью пропела Оля.

– Это ужасно.

– Как вы считаете, в Испании тоже под раков Лигу чемпионов смотрят?

– Скорее под лобстеров, – заметил Юра, – ибо их полуостров, Пиренейский, омывается океаном. А в океане морских гадов, как в госструктуре двуногих гадов.

Ковбойский выкрик «Yee-Haw!», вставленный Фёдором в дружеский смех, заглушил футбольного комментатора, делящегося со зрителями интересной историей.

– Оленька, вы когда-нибудь лобстеров ели? – поинтересовался Фёдор.

– Пока ещё нет, но это мечта всей моей жизни.

– Моей, представьте, тоже.

Оля поставила на стол несколько пиал с разными закусками, походившими на корм для мелких грызунов.

– У нас есть фисташки, семечки чёрные, белые, ещё горячие – с пылу, с жару, – огласила меню хозяйка.

– О!.. Сухаридзе с чесночком, жареный картофан, что делается? Пир на весь мир! Фестиваль сбора урожая посреди недели! Неожиданно. Да... Ольга, вот это Николаевичу с женой повезло.

⁹ Песня «Самый-самый», исп. группа «Тутси», музыка: А.Кнауэр, слова: Г.Волев.

– Ты-то когда нас свадьбой порадуешь? Невесту ищешь? – с неподдельным интересом спросила Оля.

– Ищу, с утра до ночи. Ты вот меня ни с одной подружкой так и не познакомила.

– У меня все подружки замуж в двадцать лет повыходили.

– И половина уже развелась, – саркастично подметил муж.

– Ладно, мальчики, отдыхайте, пойду я, знаю, что бессмысленно вас просить громко не кричать.

– Мудрая мысль – «бессмысленно», – согласился Юра с выводом жены.

– Скажи честно, ты поставил? – шёпотом спросил Фёдор.

Лицо Юры резко изменялось, как будто под столом ему на ногу наступил домовой. «Как я мог забыть? Вот Чучундра!» – мысленно вспомнил он о беспечно оставленной в кошельке, не спрятанной от второй половины на шкаф букмекерской квитанции.

– Нет, конечно! Не ставил. Ерунда всё это, баловство. Риски большие, а прибыль с гулькин клюв, как источник заработка ставки нельзя рассматривать. Это уже пройденный этап.

– Единственный плюс в том, что тысячу рублей, например, на Камышинский «Текстильщик» ставишь и ладонью диван пробиваешь – болееешь как за сборную России в четырнадцать лет. Чисто так, для азарта можно поставить, но это тоже опасно: случайным выигрышем только себя раздразишь. А психика так устроена: начинаешь неосторож-

ные ставки делать – от кёрлинга до выборов – потом «в минусá» уходишь. Короче, одни расстройства.

«Давайте послушаем гимн хозяев, а потом перейдём к составу команд», – предложил уважаемый Фёдором за остроумные выводы комментатор Василий Уткин.

Стотысячный стадион единым хором решил поддержать песнопение молодых людей, комфортно расположившихся на кухне перед телевизором:

Tot el camp

Три хлопка отразились от стен.

és un clam

Ещё три хлопка повторились эхом.

Barça! Barça! Barça!

Свисток арбитра, оповестивший о начале матча, заставил сердце Юры тревожно забиться. В этот вечер он либо выигрывал тысячу, либо терял пять.

«К нам сейчас парень на работу устроился, – начал Юра, – Володя зовут. В прошлом году «отжёл». Когда «Ливерпуль» в финале Лиги чемпионов после первого тайма проигрывал «Милану» 0:3, он в перерыве пошёл по всему общежитию и в каждой комнате спорил на ящик бананов, что «Ливерпуль» выиграет кубок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.